

постного права, с тем, что они станут помещиками... вот и все у них» [3, с. 307], т. е. создание системы, которая Бердяевым была названа Новым средневековьем.

Сам же культ личности основывается на использование очень эффективных методов политического управления. Как утверждает Великий инквизитор, «есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их же счастья, – эти силы: чудо, тайна, авторитет» [3, с. 301]. Все это предполагает претензии правящих на обладание высшим смыслом жизни, на распоряжение совестью и свободным духом подданных, на демонстрацию собственного всемогущества и всезнания, на искусственное создание политического авторитета, на окутывания властвующей персоны тайной, включая и тайну частной жизни, и, обязательно, на внушение людям страха.

В-седьмых, отметим также политико-психологическое описание в трудах Достоевского феномена политического террора, политически мотивированных убийств, существенным образом связанных с С. Нечаевым и «нечаевщиной», но не сводящимся к ним и обладающих универсальным характером. Они нацелены не только на обличение «красного террора», но и любого другого, включая и террор, основанный на религиозном фундаментализме.

Литература

1. Дугин, А. Русские игры Ленкома (О спектакле «Варвар и еретик» Марка Захарова) [Электронный ресурс] / А. Дугин. – Режим доступа: <https://arcto.ru/article/2016> – Дата доступа: 08.09.2018.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. в двенадцати томах. – М.: Изд-во «Правда», 1982. – Том 11. – 623 с.
4. Достоевский, Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. в двенадцати томах.– М.: Изд-во «Правда», 1982. – Том 8. – 623 с.

В данной статье изучаются идеологические основания тоталитарных практик, представленных в произведениях Достоевского. Отмечается, что существенный потенциал тоталитаризма заложен в идеях народнического социализма, допускающих культ политического руководителя, аморализм используемых средств, пренебрежение народной волей, отрицание религиозных ценностей, использование политического террора, ориентацию на контроль за душами людей, масштабное использование насилия и др.

УДК 008:392+930.2(476)“18”

КУЛЬТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В XIX В. В РАБОТАХ Ю. И. КРАШЕВСКОГО

Л. Ю. МАЛЫХИНА, А. В. ЖЕБИТ

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

Как историко-этнографический регион Полесье до сих пор представляет большой научный интерес для исследователей особенностей традиционно-бытовой, материальной и духовной культуры, языка его населения. Являясь древнейшей этноконтактной зоной, Полесье и сейчас сохраняет реликты обще-

славянской культуры. Процесс качественных изменений в культуре, ставший результатом длительных этнокультурных контактов в изучаемой зоне, под воздействием новых социально-экономических и политических условий в конце XVIII в. – начале XIX в. способствовал выделению из относительно единой архаической культуры новых видов культурной активности – хозяйственной, религиозной, этнической, политико-правовой и т. д.

Для выделения характерных особенностей культурной дифференциации этносоциальных групп этого региона, нами было исследовано известное издание краеведческих мемуаров польского писателя, историка, краеведа, художника и музыкального критика Юзефа Игнация Крашевского «Воспоминания о Полесье, Волыни и Литве» (Вильно, 1840). Это произведение как нельзя лучше отражает характер белорусско-польско-украинских культурно-исторических связей в период нахождения территории западного Полесья в составе Российской империи. В этом уникальном источнике содержатся описания культурных достопримечательностей и этнографических особенностей жителей, богатый материал для характеристики разных слоёв Полесского общества, которое писатель изучил чрезвычайно подробно и изобразил мастерски. Недаром имя Ю. И. Крашевского связывают с процессом становления реализма как историко-культурного явления и специфического принципа художественного отражения в мировой литературе XIX в. В истории польской литературы 1840–1850-е гг. считаются переходными от романтизма к реализму, что отчасти объясняют обострением общественных проблем, началом польского национально-освободительного движения [1, с. 3-5]. На наш взгляд, на это также повлиял процесс политической модернизации, который сопутствовал переходу передовых стран мира к индустриальному обществу, когда проблема социального неравенства приобрела особую остроту. Несмотря на то, что Ю. И. Крашевский являлся выразителем идеологии шляхетского либерализма, мировоззрение его отличалось гуманизмом, глубокой симпатией к людям труда. Веря в возможность улучшения путём реформ и нравственного самоусовершенствования, Крашевский выражал заботу о простых жителях, вставал на их защиту как писатель и общественный деятель.

Задолго до издания мемуаров Ю. И. Крашевский изучал и копировал архивные материалы, обращался за справками к исторической литературе. Он родился и долго жил в с. Долгое Пружанского уезда и именно отсюда в 1834 г. впервые отправился в путешествие по Полесью. Краевед был уже хорошо осведомлён о прошлом и традициях этого края. Очерки, вошедшие в «Воспоминания...» – «Ярмарка в Яновке», «Стырь и Горынь», «Оссово Фелинского», «Степань», «Посёлок Серницк», «Полесские леса», «Хозяйство», «Городец», «Корчмы, евреи, дороги», «Влостяне» и др., представляют собирательный образ Полесья начала XIX в. Ю. И. Крашевский непосредственно наблюдает и пытается объективно отражать происходящие в обществе изменения, ярко характеризует социально-психологические типы людей, выявляя те культурные особенности, которые различали представителей шляхетства, национальных меньшинств, крестьян. В краеведческих очерках он пытается воспроизвести картину национальной жизни во всей её социально-бытовой конкретности.

Краевед описывает природу, этнографические особенности полешуков как носителей народной культуры (их хозяйственный уклад, устное народное твор-

чество и веру), выражает любовь к родному краю. Мы встречаем описания таких городов и местечек, как Осовец, Пинск, Кобрин, Городец, Яновка, Степань, Чарторыйск и других.

Поскольку одноимённые населённые пункты находились и в других уездах западных губерний России, для уточнения их расположения мы воспользовались картографическими сведениями о расположении современных автору Полесья, Литвы и Волыни, уточнили топонимику в этом регионе в первой половине XIX в. [2]. Локализация и границы Полесья всё ещё находятся в стадии исследования, однако выяснилось, что наиболее устойчиво это название использовалось по отношению к бассейну Припяти и некоторых смежных к нему областей (иногда это земли Волыни до Ковеля и Луцка и Правобережной Украины).

В 40-60-е гг. XIX в. подавляющее большинство населения восточной и центральной части белорусского Полесья (Речицкого, Мозырского, Пинского уездов) составляли белорусы-полешуки. Иные этнические группы – поляки, евреи, немцы, цыгане и др. – были относительно немногочисленны.

В то же время западная часть Полесья отличалась значительным разнообразием, ставшим следствием польско-белорусско-украинского этнокультурного взаимодействия. Юго-запад Пружанского, почти весь Кобринский и Брестский уезды населяли «полешуки», «бужане» и пр. На остальной территории белорусского Полесья было распространено название «белорусы-литвины», «русины», «русские».

Динамика этносоциального развития в Волынском Полесье (Владимирский, Ковельский, Луцкий, Ровенский и Овручский уезды Волынской и Радомышльский уезд Киевской губернии) была аналогична белорусскому. Местное население чуть меньше было вовлечено в речную торговлю по Припяти. Значительно сильнее здесь ощущалось влияние польской культуры, особенно после вхождения Волынского Полесья в состав Польского королевства в XVI в. К началу 1860-х гг. 67 % здесь составляли украинцы («полешуки», «полесьяне»). Многочисленными в зоне белорусско-украинского пограничья были группы «белорусов-литвинов». Сложность межэтнической картины дополнялась включениями таких групп иноэтнического населения, как поляки 9 %, евреи 12 %, немцы, русские, татары, караимы [3, с. 84–85].

Вхождение в Россию привело к распространению русского языка в делопроизводстве, изменению административно-территориального деления, налогообложения, была введена рекрутская повинность и др. В то же время сохранялось экономическое и культурное господство польской шляхты. Многочисленные миграции полесского населения ослабляли земляческие связи, что компенсировалось консолидацией на уровне локальных административных единиц – волостей и поветов. В то же время историко-этнографическое определение «полешуки» в первой половине XIX в. являлось собирательным для большого числа этносоциальных и субэтнических групп, которые можно выделить среди местного населения.

Так, в очерке «Ярмарка в Яновке» автор изображает пёструю россыпь этносоциальных типов – предприимчивых евреев, крестьян («улыбающихся женщин с курами под мышкой»), иностранных и русских купцов, цыган, казначеев в серых сюртуках и шапках-ушанках и других. Они встречаются на ярмарке раз в

году, чтобы затем всё вновь утихло до следующей встречи [4, с. 7–11]. Наиболее подходящей по описанию ярмаркой, которая проходила 24 октября на первой неделе поста, была ярмарка в местечке Яновка Волынской губернии [5, с. 46].

Любовь к колориту простонародья диссонирует с восхищением краеведа перед проживающими в Волынском Полесье шляхтичами – наиболее образованной частью общества, которая отличалась утончённостью, избранностью, причастностью к лучшим достижениям европейской культуры. Одна из характерных черт этой социальной группы – «польскость».

Об этом очерк «*Оссово Фелинского*». Село Оссово в Волынской губернии было собственностью поэта Алоизия Фелинского (1771–1820), автора романа «*Барбара Радзивил*». В 1800 г. он женился и жил там. Следующим владельцем поместья стал Ю. Стаховский, друг Крашевского, который не раз сопровождал его в долгих путешествиях. «К Оссово отношусь с особой теплотой и люблю его обитателей», – признавался писатель [6]. Впервые Крашевский посетил Оссово и познакомился с творчеством Алоизия Фелинского в 1834 г.

Лежащее среди густых лесов очень красивое местечко Оссово расположилось на берегу реки Бережанка. В центре его находился маленький домик, а в нем комнатка – рабочий кабинет Фелинского. «Густой ольховник окружает дом, – вспоминает автор, – налево виднеется дубовый, кленовый и липовый гай, направо село ещё долго тянется, аж до мельницы и маленькой церковки» [4, с. 29]. Фелинский, по мнению автора, не был гением, однако обладал огромным терпением, дотошностью, уважением к фактам и умело шлифовал язык своих работ. В его кабинете над камином находилась известная карикатура французского издателя П. Дидота на римского поэта, автора «*Буколик*», «*Энеиды*», Вергилия. Кабинет имел одно окно, стеклянные двери, ведущие в сад, и камин. Фелинский, получив в наследство Оссово, развернул тут поначалу хозяйственную деятельность: рубил деревья и продавал их. Любопытно, что Ю. И. Крашевский, характеризуя деятельность А. Фелинского, употребляет здесь выражение «спекулянт», в значении «хозяйственник». Он с возмущением пишет: «Спекулянт и поэт – это как два бегуна, первый из которых низколобый, узколиций, думающий только о зарабатывании денег. В отличие от него у поэта, и голова, и мысли, и глаза такие, которые невозможно заслонить голландским дукатом» [4, с. 31].

Переписка Фелинского, которую изучал Ю. И. Крашевский, раскрывает характер автора «*Барбары*». В них портрет человека, который всегда спешит и ценит свое время, в строчках писем весёлость, жизнерадостность, чувственность и многословность. В 1817 г. Фелинский продал Оссово. Однако долго ещё соседи добрым словом вспоминали прежнего владельца. Он обладал редким даром, который дается немногим людям. Своей старушке матери он подарил теплый, добросердечный и счастливый конец её жизни. Много читал ей на родном языке и по-французски, при этом переводил незнакомый маме язык, был особенно, патриархально к ней привязан.

В следующем очерке «*Степань*» автор описывает тихое местечко, принадлежавшее когда-то князям Острожским. Степань в XIX в. входила в Ровенский уезд Волынской губернии и представляла собой обычный уголок Полесья: несколько православных церквушек, «мурованная» в готическом стиле синагога,

стоящий на берегу Горыни католический костел, кладбище со склепом Ворцелов (участников партизанского движения на Волыни в 1831 г., отправленных на Кавказ). Объясняя такое удивительное в рамках небольшого поселения этноконфессиональное соседство, краевед приводит сведения о «чрезвычайной нетерпимости» [4, с. 41], которая была заложена в прежние законы о религии, которые, к счастью, не всегда соблюдались. Луцкий Синод 1726 г. запретил как строительство новых синагог, так и появление иудеев на улицах во время Страстной недели Великого Поста в жёлтых шапках и украшенных служебных костюмах. Во время появления процессии католиков со Святым Причастием иудеям предписывалось закрывать двери, окна, уходить с улиц и находиться в домах до сигнала. Иудеи, согласно строгому уставу Папы Римского, обязаны были платить налог за занимаемое место жилья, торговли, им запрещали строить корчмы возле костёла и т. д. «Однако, – пишет Крашевский, – иудеи никогда не покидали этих мест, а наоборот открывали типографии, школы, сады и даже выкупали из неволи крепостных» [4, с. 42–43].

Здесь же, в небольшом домике на околице Степани, как описывает автор мемуаров, жил в 1830-е гг. «самый печальный и самый красивый экспонат» местечка [4, с. 45] – иностранец-старик, у которого судьба отобрала усадьбу, детей и высокий статус. С первого взгляда было понятно, что старик живёт вчерашним днём, воспоминаниями. Перед его домом останавливаются кареты, повозки, из них выходят друзья, которых не отдалило прошлое. «Видишь этого человека, с чёрными блестящими глазами, видишь его улыбку и с трудом веришь в нынешнюю его бедность». «Для тех, кто в ладу с собой жить умеет, не так много для материальной жизни нужно», – утверждает Крашевский, снова отрицая мир стяжательства [4, с. 46].

Слышишь, как он искренне и долго смеётся, и представляешь его во фраке в окружении прекрасных дам. Этот человек, родом из Франции, имел родство с Бурбонами. Маркиз де Курбон его имя, он современник и знакомый Наполеона Бонапарта. Он долго жил в Египте, где работал инженером, летал на дирижабле, пересёк Европу, Африку, пережил немало авантюрных приключений и приехал в Степань умирать. Философствуя в холодной избе, без гроша в кармане, без семьи, старик в вытертом фраке в окружении кота и собаки пьет кофе из зёрен и пишет сатиры! Всегда с улыбкой, с шуткой – типичный француз XVIII века, космополит, из польского языка усвоивший только «кохам це» [4, с. 47–48].

Среди наиболее заслуживающих внимания местных жителей путешественник также отмечает местного пастора – «евангельского каплана». Этот скромный труженик, не ища для себя ни пользы, ни славы, порой даже уставший от бессонницы, не отказывает во всех требованиях, дом его является убежищем для бедных и обиженных [4, с. 48–49].

Вся эта, казалось бы, случайно собранная коллекция социальных архетипов Степани приведена Крашевским намеренно: «Потому что, нужно знать, что со всем миром есть родство, даже с Бурбонами!» [4, с. 47], она изображает сложное этнокультурное переплетение в западном Полесье, выражает собственные общегуманистические взгляды писателя и учёного. «Все эти люди, породнившиеся, связанные состраданием, живут вместе, утешают друг друга...» [4, с. 50].

Крашевский, будучи уроженцем полесского края, хорошо знал причины и условия великих потрясений, которые испытали полешуки в XVI–XVII вв., когда общественные, религиозные, национальные конфликты, приводили к кровавой резне, а единственным выходом из этой ситуации было прощение и толерантность. Поэтому в его краеведческих мемуарах незыблемым правилом является уважение к чужим убеждениям, языку и культуре.

Культурно-бытовые отличия были обусловлены не только этническим происхождением, но и социальным статусом, родом занятий, имущественным положением. Отражая все уровни социального расслоения – от ясновельможного пана до нищего «холендры», автор воспоминаний дополняет их красочным описанием этносоциальных маркеров.

И если пан Фелинский находится на вершине социальной лестницы, то некоторая часть среднего и мелкого шляхетства живёт лишь жалкими остатками прежней (как при Речи Посполитой) правовой свободы.

В очерке «*Посёлок Серницк*» представлена мелкая шляхта, зарабатывающая себе на жизнь сельским трудом и арендой, живущая общиной-громадой в одной деревне с XVI в. Их поселение из 240 домов не имеет чёткой структуры улиц, построено по типу слободы, что отражает «истинный образ беспорядка и свободы дворянства» [4, с. 53].

Автор-наблюдатель приходит к выводу, что единственное, что отличает этих свободных от крепостной зависимости людей от остальных крестьян – это гордость и внешние отличия в одежде. А именно: особый крой белых рубах в виде капота (широкая распашная одежда с рукавами без перехвата в талии), маленькие воротнички, чёрные, а не красные, пояса, в лаптях не шнуры, а ремни. При всём внешнем гоноре, по отзывам попутчика, эти обедневшие шляхтичи во многом зависят от еврея Лохмана и соседствующего с ними пана Скимунта. Автор подчёркивает, что «все здесь греческого вероисповедания, а «забабоны» их холопские». «Шляхта разговаривает на русском языке волынских крестьян, примешивая польские слова, употребляет иногда старые пословицы – «память об их происхождении и след цивилизации» [4, с. 58–59]. Однако все горды своим шляхетным происхождением, дарованным привилегиями самой королевы Боной Сфорца.

Интерес представляет попытка Ю. И. Крашевского классифицировать среднюю шляхту по типу хозяйствования в очерке «*Хозяйство*». Первый тип хозяина – «старозаконный», держится рутины, не предпринимает никаких попыток обновления, не идет на риск капиталовложений, доверяет приметам, сверяя сельские работы с «Бердичевским календарём». Ходит в сером капоте или старом фраке, пьёт водку, ест борщ и капусту. Неизменный атрибут дома – неугасающий очаг – «комин». Второй тип – «хозяин, сидящий на двух стульях». Он понимает здравый смысл усовершенствований, полностью их не понимая. Со «старыми» хозяевами притворяется таким же, общаясь с новыми – кивает новинкам. Это отражается на облике его дома, где старые вещи и мебель соседствуют с новомодными. И наконец, третий тип – «нео-хозяйственник», представитель зарождающейся сельской буржуазии, смело берущийся за инновации [4, с. 88–91].

Упоминаются и маргиналы, как в произведении «*Полесские леса*». Это свободные от крепостного права, но нищие работники с пожелтевшими лицами.

Они корчуют и выжигают лес для изготовления древесного угля, живут в шалашах, немало рискуя жизнью. Поселения этих лесных строителей – «холендров», «которые и зимой и летом» бродят по лесу в поисках пищи», назывались «майданы бедных Мазуров» [4, с 81]. Традиционно одетые в балахоны из грубого сукна, халат, подвязанный красным поясом, бараньи шапки, удивительно напоминают они современных людей «без определённого места жительства».

Крашевскому при его уме и удивительной наблюдательности удалось изучить местное население, проникнуться его мирозерцанием и дать точную характеристику каждой особи. Он был знаком со всеми слоями дворянского общества, хорошо знал простой народ, непосредственно сближаясь с ним. Краевед мог мысленно проникнуть как в салон ясновельможного пана и в богатую барскую усадьбу, так и в скромную хату крестьянина, еврейскую корчму или в цыганский шатёр. Словесная характеристика в мемуарах во втором издании была дополнена иллюстрациями [7].

Научная ценность краеведческих исследований Ю. И. Крашевского состоит в том, что они доказывают, что западная часть Полесья издавна являлась межэтнической зоной, соединяющей культуры Украины, Беларуси и Польши. Доступные для изучения статистические данные об этническом составе населения этого региона могут быть дополнены сведениями о культурной дифференциации между представителями различных этносоциальных групп.

Литература

1. Малюкович, С. Д. Становление реализма в творчестве Юзефа Крашевского (повести и романы 30-40-х годов): Автореф. дис. на соис. степени канд. филолог. наук. – Москва, 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/stanovlenie-realizma-v-tvorchestve-yuzefa-krashevskogo-povesti-i-romany-30-40-h-godov>. – Дата доступа : 23.04.2019.
2. Вялікі гістарычны атлас Беларусі : У 4-х тамах / Г. І. Кузняцоў, У. І. Адамушка [і інш.]. – Минск : Белкартографія. – 2015. – Т. 3. – 350 с.
3. Полесье. Материальная культура / В. К. Бондарчик, И. Н. Браим, Н. И. Бураковская [и др.]; редкол. : В. К. Бондарчик, Р. Ф. Кирчив (отв. редакторы) [и др.]; АН УССР. Львовское отделение Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского. – Киев : Наук. думка, 1988. – 448 с.
4. Kraszewski J. I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / Józef-Ignacy Kraszewski. – Vilna : Nakład i druk T. Glücksberga [1840]. – 232 s. Т. 1–2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=28613> – Дата доступа: 05.04.2019.
5. Список существующих в Российской империи ярмарок. – СПб : Типография медицинского департамента министерства внутренних дел, 1834. 415 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://docviewer.yandex.ru/view/> – Дата доступа: 06.05.2019.
6. Kraszewski, J. I. Listy do rodziny 1820–1863. – Krakow, 1887.
7. Kraszewski, J. I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / Józef-Ignacy Kraszewski. – Paryż: Drukarnia J. Claye, [1860]. – 144 s. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=1502> – Дата доступа: 05.04.2019.

В статье рассматриваются особенности культурной дифференциации этносоциальных групп западной части Полесья в перв. пол. XIX в. Процесс качественных изменений в культуре после вхождения в Россию, под воздействием новых социально-экономических и политических условий, изучен на основе зафиксированных данных краеведческого издания Ю. И. Крашевского «Воспоминания о Полесье, Волини и Литве» (1840). Сведения этого источника о представителях различных этносоциальных групп отражают характер белорусско-польско-украинских культурно-исторических связей.